

Л. А. Кесслер

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫХ ЛЕКСЕМ
В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МУЖСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ
XIX – XX ВЕКОВ

29

Рассматривается специфика употребления гендерно-маркированных лексем в текстах мужских воспоминаний XIX – XX вв., обусловленная особенностями контекста. Экспликация гендерной идентичности в мужском языковом материале находит свое отражение в гендерно-маркированных лексемах, представляющих собой субъективные автономиниации, реализующиеся на лексическом уровне субъективированным и объективированным способами. Важным условием актуализации гендерно-маркированных лексем, релевантных для исследуемых текстов, является, как правило, социальный контекст, касающийся изображения профессиональной и учебной деятельности, а также особенностей мужской дружбы, что говорит о высокой степени социализации мужчин и о значимости мужского коллективного начала для субъекта литературного творчества.

The author investigates the use of gender marked lexemes in retrospective texts of the 19th and 20th century written by male authors. Gender identity in the male written texts is reflected in gender marked lexemes (GML), representing subjective autonominations realized at the lexical level in subjectified and objectified ways. A specific feature typical of the actualization of GMLs relevant for male retrospective texts is their social context, i.e. professional and academic pragmatic parameters, personality traits, the spirit of male friendship etc. It indicates a high degree of socialization of men and the relevance of the collective male identity as a literary subject.

Ключевые слова: тексты мужских воспоминаний, экспликация гендерного аспекта, мужская идентичность, гендерно-маркированные лексемы, контекстуальная обусловленность гендера.

Key words: male retrospective texts, explication of gender aspects, male identity, gender marked lexemes, contextual causality of gender.

Как известно, антропоцентрическая ориентация современной науки приводит к росту числа гендерных исследований, что предполагает повышенное внимание ко всем параметрам человеческой личности, в частности к гендеру, представляющему собой, по мнению ученых, некий социальный конструкт, который иногда может не совпадать с биологическим полом субъекта [7; 8; 14].

При этом, безусловно, очевиден факт экспликации гендерного аспекта в языке, в результате чего на основе взаимосвязи гендера и языка развивается самостоятельная наука – лингвогендерология, об актуальности которой свидетельствует ряд научных статей и трудов, выполненных в последние годы ([2; 6; 10 – 12] и др.).

Согласно А. В. Кирилиной, к основным целям лингвогендерологии можно отнести решение проблем взаимоотношений языка и гендера, в частности отражения гендера в языке (изучение демонстрации гендерных отличий в языковом произведении субъекта речевой деятельности, функционирования гендерных стереотипов, их распространенности в различных тематических областях и т. п.), а также изучение письменных и устных особенностей речевого поведения мужчин и женщин (цит. по: [5, с. 101]).

В этой связи представляется интересным изучение языковой актуализации гендерного аспекта в текстах немецкоязычных мужских воспоминаний XIX–XX вв., поскольку в данном типе нефикциональных субъективированных текстов наиболее ярко проявляется характер осознания пишущим собственной гендерной идентичности.

В процессе передачи соответствующей информации важную роль в анализируемых текстах играют гендерно-маркированные лексемы (далее – ГМЛ), представляющие собой различного рода номинации и субъектные автономинации, референциально соотносящиеся с лицами мужского пола (*Mann, Junge, Knabe, Bursche* и др.). В рамках настоящего исследования наибольшей релевантностью обладают субъектные автономинации, посредством которых автор открыто декларирует свою гендерную идентичность на лексическом уровне текста.

Как показал анализ языкового материала, субъектные автономинации могут быть выражены как субъективированным, так и объективированным способами [3]. При субъективированном способе высказывания структурируются в текстах воспоминаний на основе базовой модели *ich* + ГМЛ, где в роли ГМЛ выступает существительное (напр.: *Ich war ein kleines erschrockenes Bürschchen von kaum neun Jahren, verschmiert und verspritzt bis über die Ohren...* [16, S. 15]), или ее модификации *wir* + ГМЛ, содержащей инклюзивное местоимение *wir* (напр.: *...was wir Jungen alles eifrig mit ansahen...* [19, S. 25]).

В свою очередь, при объективированном способе реализации субъектных автономинаций, связанном со стремлением речевого субъекта «отдалиться» от собственного «Я» и взглянуть на себя со стороны, репрезентация авторского «Я» осуществляется на фоне отсутствия местоимений *ich* / *wir*, что подразумевает использование соответствующей ГМЛ, сопровождающейся в отдельных случаях личным местоимением 3-го л. ед. ч. *er*: *Schwer aber, wie gesagt, wurden mir die mittleren Klassen. Man bedenke, daß der Knabe jeden Werktagmorgen gegen sechs Uhr aufstehen... mußte...* [18, S. 33].

В ходе исследования было установлено, что функционирование вышеуказанных способов демонстрации речевым субъектом собственной гендерной идентичности достаточно часто оказывается обусловленным характером контекста, который, как известно, обладает свойством окружать некоторую центральную лексическую единицу и находиться с ней в определенных упорядоченных отношениях ([9, с. 72], ср. также: [4, с. 12; 1, с. 39]).

В текстах воспоминаний особую актуальность имеет социальный контекст, предполагающий соотнесенность излагаемой информации с

различными аспектами жизни авторов, в частности с их профессиональной и учебной деятельностью, а также с особенностями мужской дружбы, что свидетельствует о высокой степени социализации мужчин.

Наиболее значимым в этом плане представляется изображение писателями-мужчинами собственной **профессиональной деятельности**. Наглядным примером такого контекста служит следующий отрывок из книги «Lebenserinnerungen» немецкого писателя и философа Р. К. Эйкена, в котором объективированная автономинация *Mann* и соотносящееся с этой ГМЛ личное местоимение 3-го л. ед. ч. *er* употребляются в процессе размышлений автора о профессиональных обязанностях мужчины: *...zunächst hatte ich die größte Mühe, nur die tägliche Arbeit zu verrichten. Es ist aber ein Segen für den Mann in amtlicher Stellung, daß er sich nicht ganz seinem eigenen Befinden hingeben darf, sondern die Pflichten des Berufes zu erfüllen hat* [15, S. 43].

Аналогичная ситуация наблюдается в одном из фрагментов воспоминаний «Erlebtes und Erkanntes» немецкого врача, физиолога и психолога Вильгельма Вундта, который изображает годы работы в Цюрихе в качестве профессора университета. Необходимость самообъективации обусловлена в данном случае стремлением автора осмыслить характер влияния государственного аппарата на процесс социализации мужчин в изображаемый исторический период: *...die Besetzung der in die Regierung eingreifenden Stellen zu meiner Zeit in Zürich war, so konnte es doch nicht fehlen, daß der bisherige Beruf eines Mannes für seine Verwendung in der Staatsmaschine eine gewisse Bedeutung besaß* [20, S. 108].

При субъективированном способе субъектных автономинаций высказывание речевого субъекта строится, как отмечалось выше, по модели *ich* + ГМЛ, что можно наблюдать в следующем фрагменте из автобиографии «Erlebtes Leben» немецкого писателя Рудольфа Г. Биндинга: *Ich sagte zu und war für viele Wochen der bestbeneidete Mann weit und breit im Umkreis. Vermutlich hatten mir meine Qualifikationen aus früheren Jahren, die sich bei der zuständigen Stelle vorfanden, diese Anfrage eingetragen* [13, S. 100]. Как очевидно, автор вспоминает об одной ситуации из своего офицерского прошлого, когда ему был дан приказ самостоятельно сформировать эскадрон для новой дивизии. Данное воспоминание подается с определенной долей самоиронии, о чем свидетельствуют сопровождающие автономинацию (ГМЛ *Mann*) атрибут *der bestbeneidete* и стоящее в постпозиции фразеологическое словосочетание *weit und breit*.

Таким образом, рассуждая о своей профессиональной деятельности, субъект автобиографического творчества может как избегать прямой манифестации своей гендерной идентичности с целью саморефлексии (объективированный способ), так и открыто декларировать свое мужское начало (субъективированный способ).

В рамках социального контекста актуальными являются также текстовые фрагменты, связанные с **учебной деятельностью** авторов воспоминаний. Так, при экспликации собственной гендерной идентичности довольно часто осуществляется реконструирование речевым субъектом собственных студенческих лет, что находит свое отражение в следующем примере из воспоминаний немецкого хирурга, поэта и фи-

лософа Карла Шлейха «Besonnte Vergangenheit. Lebenserinnerungen»: *Denn ich wäre gar zu gerne **Korpsstudent** geblieben. Mir hat diese Romantik des **Burschentums**, diese letzte Symbolisierung des mittelalterlichen Ritterwesens, sehr gefallen* [19, S. 61]. В данном высказывании достаточно интересной является лексема *Burschentum*, представляющая собой, по сути, объективированную автономинацию глобализированного характера, маркирующую принадлежность писателя к студенческой корпорации, в которую разрешалось входить исключительно юношам. Безусловно, на гендерную идентичность автора указывает и соответствующая ГМЛ *Korpsstudent*, соотносящаяся с грамматическим (морфологическим) уровнем языка (суффикс *-ent*).

Следующей ситуацией, характерной для социального контекста, существующего в мужском языковом материале, является наличие ГМЛ при описании *особенностей мужской дружбы*, причем нередко здесь функционирует модель *wir* + ГМЛ, включающая в себя инклюзивное местоимение *wir*: *In der Tat, die gleichaltrigen oder ältern Kameraden weigerten sich, mich anzuerkennen. Sie schickten mich zu den Mädchen zurück. Erst die Schule im siebenten Altersjahr, diese gewaltige Gleichmacherin, würfelte **uns Knaben** dann, klein und gross, reich und arm, ohne viel Federlesen untereinander* [17, S. 43]. В данном фрагменте из воспоминаний «Jugenderinnerungen» швейцарского писателя Г. Федерера субъективированная автономинация содержит в себе личное местоимение 1-го л. мн. ч. в вин. п. (*uns*) и сопровождающую его ГМЛ — существительное *Knaben*, представляющее собой грамматическое примыкание, в связи с чем происходит акцентуация как гендерного аспекта, так и коллективного начала, находящего свое отражение в реконструируемой ситуации.

Впрочем, в контексте упоминания специфики мужской дружбы в мужских воспоминаниях могут воспроизводиться не только ее положительные стороны, но и негативные переживания, связанные, например, с фактом отсутствия друзей у субъекта литературного творчества. По поводу подобного обстоятельства, имевшего место на протяжении многих лет и ставшего для автора настоящей психологической травмой, с известной долей горечи размышляет Рудольф Г. Биндинг. Об интенсивности испытываемых им чувств свидетельствуют наречия *lange* и *oft*, сопровождающие глагол *sich entsinnen*, а также словосочетания *die Art eines stummen Vorwurfs* и *das Bild des Vertriebenen*. Прямым индикатором отсутствия необходимой духовной связи автора со сверстниками является определение *leer* в сочетании со сложным существительным *Mannesjahre*, первая часть которого представляет собой ГМЛ — субъектную автономинацию *Mann*, выступающую в роли определения: *Ich hatte freilich Grund **mich** dieses Erlebnisses **lange und oft** zu **entsinnen**. In den langen Jahren der Schulzeit, der Studentenzzeit, des ersten Berufs, der losgelösten und **leeren Mannesjahre** gewann **ich** keinen dauernden und wirklichen Freund, so daß **das Bild des Vertriebenen** beinahe **in der Art eines stummen Vorwurfs** sich in unbewachten Augenblicken einstellte* [13, S. 36]. Вполне понятно, что в данном случае в языковом плане фигурирует базовая модель *ich* + ГМЛ.

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что в любом тексте мужских воспоминаний гендерная идентичность автора всегда выра-

жается в эксплицитной форме в ГМЛ, которая представляет собой субъектную автономизацию и может проявлять гендерный аспект как субъективизированным, так и объективизированным способом.

В целом можно отметить, что в анализируемых текстах фактор гендера находится в условиях взаимодополнения с социальным контекстом. С одной стороны, наличие социального контекста является важным параметром, обуславливающим возможность реализации гендерного аспекта, а с другой — осознание субъектом воспоминаний собственной гендерной идентичности нередко влечет за собой необходимость апелляции к социальному контексту.

Список литературы

33

1. Ахутина Т.В. Лингвистика речи: к истории вопроса // Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. моногр., посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика. М., 2012. С. 22–39.
2. Бондарева Л.М. Автобиографический дискурс в свете гендерных исследований // Интерпретация. Понимание. Перевод. СПб., 2005. С. 214–223.
3. Бондарева Л.М. Структура и функции субъекта речевой деятельности в текстах мемуарного типа на материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
4. Вербицкий А.А., Калашиников В.Г. Категория «контекст» в психологии и педагогике. М., 2010.
5. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. М.; Харьков, 2003.
6. Гукосьянс О.Ю. Речевой аспект маскировки гендерной идентичности в англоязычной интернет-опосредованной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2016.
7. Йокояма О.Ц. Гендер в письмах русских крестьян XIX века // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия — Серебряный век: матер. конф. (июнь 2009 г., Тюмень/Тобольск). М., 2011. С. 141–182.
8. Кирилина А.В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: матер. Междунар. науч. конф. (Иваново, 25–26 июня 2002 г.): в 2 ч. Ч. 2: История, социология, язык, культура. Иваново, 2002. С. 21–38.
9. Колишанский Г.В. Контекстная семантика. М., 2007.
10. Номеровская А.Д. Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016.
11. Талашова Н.Г. Гендерная реализация описания отрицательных эмоциональных состояний в англоязычном художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.
12. Трайковская Н.П. Извлечение имплицитной информации в рекламном тексте с точки зрения его гендерных особенностей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
13. Binding R. G. Erlebtes Leben. Potsdam, 1941.
14. Butler J. Das Unbehagen der Geschlechter. Berlin, 1991.
15. Eucken R. Ch. Lebenserinnerungen. Leipzig, 1921.
16. Eyth M. Im Strom unserer Zeit. Heidelberg, 1896 // Projekt Gutenberg im Spiegel Online: [сайт]. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/im-strom-unsrer-zeit-erster-band-lehrjahre-8539/1> (дата обращения: 19.10.2017).
17. Federer H. Jugenderinnerungen. Berlin, 1927.

18. *Lienhard F.* Jugendjahre: Erinnerungen. Stuttgart, 1918 // Projekt Gutenberg im Spiegel Online : [сайт]. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/jugendjahre-2848/1> (дата обращения: 19.10.2017).

19. *Schleich C.L.* Besonnte Vergangenheit. Lebenserinnerungen. Berlin, 1920 // Projekt Gutenberg im Spiegel Online : [сайт]. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/besonnte-vergangenheit-3887/1> (дата обращения: 19.10.2017).

20. *Wundt W.* Erlebtes und Erkanntes. Loschberg, 1920.

Об авторе

Любовь Андреевна Кесслер – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: cremer.liubov2010@yandex.ru

The author

Liubov Kessler, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: cremer.liubov2010@yandex.ru